

Лейтон Джозеф Александр

Иисус Христос и современная цивилизация

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джозеф Александр Л.**
Иисус Христос и современная цивилизация / Лейтон Джозеф Александр – М.: Книга по Требованию, 2024. – 154 с.

ISBN 978-5-519-92995-0

ISBN 978-5-519-92995-0

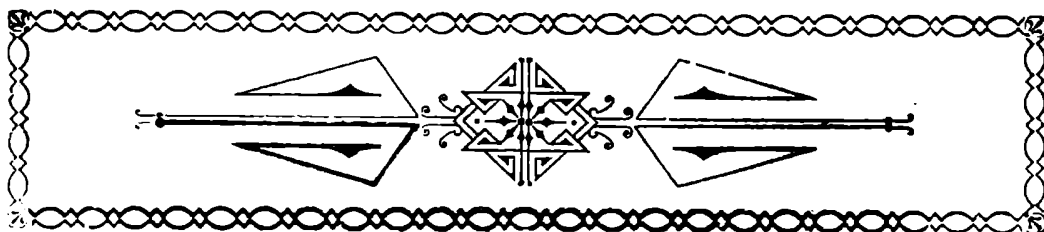
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Христосъ и современная цивилизація.

ГЛАВА I.

Цѣль и точка зрѣнія автора.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ вниманію публики работа имѣетъ свою цѣлю—раскрыть основные нравственные принципы въ ученіи І. Христа, и именно въ ихъ отношеніи къ проблемамъ соціальной жизни и къ судьбѣ каждого человѣка. Мы будемъ касаться этихъ послѣднихъ съ точки зрѣнія современнаго человѣка. Мы необходимо должны начать съ современной намъ жизни, опыта и идей нашего времени, разъ мы желаемъ оцѣнить смыслъ и значеніе какого нибудь историческаго явленія. Прошлое имѣетъ для насъ значеніе и цѣну лишь постольку, поскольку мы ставимъ его въ живую и непрерывную связь съ настоящимъ. Это замѣчаніе гораздо болѣе приложимо къ нравственной и духовной исторіи человѣка, чѣмъ къ его политической или экономической исторіи. Поэтому намъ думается, что нѣтъ лучшаго способа—оцѣнить непреходящую цѣнность Евангелія Христа, какъ выяснить его отношеніе къ нравственнымъ и духовнымъ проблемамъ современной жизни. Евангеліе Христа—сама „жизнь“, а не одна лишь теорія. Конечно, оно предполагаетъ извѣстнымъ теоретическія подосновы, но само по себѣ оно не состоитъ изъ однихъ этихъ предположеній. Евангеліе І. Христа есть „образъ поведенія“; въ немъ данъ намъ „путь жизни“, очерчено „извѣстное отношеніе нашего духа къ окружающему“; отсюда и судить Евангеліе нужно именно какъ путь жизни. Цѣль настоящаго труда будетъ двоякая. Съ одной стороны мы будемъ стремиться къ тому, чтобы раскрыть основные моральные запросы современной жизни, и опредѣлить, при соблюденіи какихъ началъ поведенія можно лучше всего сохранить и развить далѣе духовный характеръ че-

ловѣка и культуры. Съ другой стороны мы постараемся выяснитъ отношеніе нравственнаго ученія І. Христа именно къ этимъ запросамъ современной духовной жизни человѣка.

Мы попытаемся выставить лишь основные принципы въ ученіи І. Христа, въ ихъ отношеніи къ современнымъ тенденціямъ въ области поведенія и этической мысли. Приложение детальное мы должны оставить самому читателю, и въ этомъ отношеніи, намъ кажется, мы находимся въ полномъ согласіи съ методомъ самого Христа. При изложеніи своего ученія Онъ одинаково пользовался и притчами и отдѣльными примѣрами, и ясно выраженными принципами. Но то, что Онъ сообщалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это былъ главнымъ образомъ—динамическій принципъ, или духовный идеалъ поведенія. Евангеліе Его не какая-нибудь система казуистики, или сплетеніе мелочно подробныхъ и неумолимо обязательныхъ предписаній. І. Христосъ всегда даетъ живительное начало для поведенія, но характерная черта Его нравственнаго ученія заключается именно въ томъ, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ всякій долженъ направлять свои дѣйствія и рѣшенія свободно и сознательно, руководствуясь свѣтомъ данныхъ Имъ основначалъ поведенія. Для правой жизни, какъ ее понималъ самъ Спаситель, существенно необходимо дѣятельное участіе всей личности человѣка.

Въ настоящее время традиціонная этика христіанскаго цивилизованнаго міра находится въ періодѣ испытанія. Несомнѣнно подавляющая масса людей еще усматриваетъ въ ней извѣстную цѣнность, и даже пожалуй теоретически признаетъ ее. Но въ дѣйствительности у извѣстной части людей поведеніе регулируется совершенно другими мотивами. Но этого мало; въ нѣкоторыхъ сферахъ ведется смѣлая проповѣдь иныхъ началъ поведенія помимо христіанскихъ. Такъ, знаменитый Ф. Ницше громко проповѣдуетъ абсолютное превосходство идеала сверхчеловѣка, сильнаго, высокоразвитаго индивидуума, цѣлою головою стоящаго выше уровня массъ. Онъ съ ожесточеніемъ критикуетъ христіанскіе идеалы симпатіи и служенія ближнему, какъ самыя страшныя ошибки въ области вопросовъ поведенія, когда-либо сдѣланныя человѣкомъ. Въ проповѣди авторитета этихъ началъ поведенія Ницше видитъ лишь заговоръ массы слабыхъ противъ немногихъ сильныхъ, заговоръ „прирученныхъ домашнихъ животныхъ“ противъ ихъ естественнаго и законнаго владыки, сверхчеловѣка, сильнаго, коварнаго и властнаго. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ Ницше дѣлаетъ лишь совершенно логическіе выводы въ области этики, которые необходимо вытекаютъ изъ того исключительнаго притязанія, что теорія эволюціи Дарвина, или біологія вообще, могутъ дать намъ достаточныя основанія для новой научной этики. Даже въ нашей политической и коммерческой жизни, гдѣ о Ницше никогда вовсе не слыхали, часто употребляются ходячія фразы изъ области біологіи для того, чтобы оправдать

политическія притѣсненія и несправедливости промышленной и гражданской жизни.

Намъ напр. говорятъ, что порабощеніе, эксплуатація и подчиненіе вообще слабыхъ и менѣе просвѣщенныхъ народовъ культурными націями Европы и Америки есть въ сущности „естественный“, а потому неизбежный результатъ „борьбы за существованіе“. Въ этой послѣдней выживаютъ лишь наиболѣе приспособленные; слабые должны погибнуть. Такъ дѣло идетъ въ природѣ; то же должно быть и въ человѣческомъ обществѣ. Напр. „трестъ“ есть также продуктъ „эволюціи“ и если онъ мѣстами съ крайнею жестокостію бьетъ своихъ конкурентовъ, противъ чего возмущается даже старомодное нравственное сознаніе христіанина, то тутъ протесты бесполезны: вѣдь это все „естественно“ и неизбежно“. Такими же соображеніями часто оправдываютъ рабочіе союзы совершенные ими акты запугиванія и личнаго насилія.

Если дѣловые люди и политики, чтобы достичь своихъ цѣлей, прибѣгаютъ ко лжи, подкупу, обману, и обираю публики, то намъ говорятъ, что подобнаго рода „механика“ дѣла совершенно необходима, что нужно сообразоваться съ существующими порядками, что люди дѣловые и политики должны усвоить методы, которые употреблялись и которые въ дѣйствительности оказались вполне успешными. Въ сущности основнымъ началомъ нашей этики грозитъ стать знаменитое всюду ученіе о томъ, что успѣхъ въ жизни выше всего. Но такъ ли это? Суть дѣла въ томъ, что изъ простаго факта переживанія въ борьбѣ за существованіе нельзя вывести никакой системы морали. Это переживаніе или сохраненіе наиболѣе приспособленныхъ организмовъ въ сущности значитъ лишь то, что извѣстные виды „дѣйствительно выдержали борьбу“. Но эта приспособленность или годность, вся цѣнность которой сводится къ силѣ приспособленія къ окружающей средѣ, не имѣетъ ничего общаго съ моральною цѣнностію или годностію. Мораль начинается тамъ, гдѣ мы оставляемъ за собою область грубыхъ фактовъ и начинаемъ судить обо всемъ съ точки зрѣнія идеальныхъ цѣнностей. Натуралистическая тенденція въ этикѣ, на которую мы только что кратко указали, достаточно характерна для нашего времени. Несомнѣнно, что христіанская этика, унаслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ, проводила слишкомъ рѣзкую грань между физическимъ и духовнымъ. Такъ, напр. большая ошибка заключалась въ томъ, что целибату приписывалась высшая духовная цѣнность въ сравненіи съ брачнымъ состояніемъ. Раздѣленіе, которое средне-вѣковая этическая мысль проводила между высшею областію духа и сферою обычной человѣческой дѣятельности и интересами семьи, общества, государства и искусства, создало ошибочный дуализмъ, имѣвшій серьезныя послѣдствія въ исторіи, отъ которыхъ наша современная цивилизація едва начинаетъ поправляться. Неопредѣленное и даже отрицательное значеніе, приписываемое въ нѣкоторыхъ сферахъ духовности и духовной жизни; тенденція приписывать магическую дѣйственность обрядамъ и це-

ремоніямъ, какъ средствамъ избавленія души отъ власти зла; неудача церкви въ попыткѣ стать дѣйственной силой въ эволюціи современной цивилизаціи; неспособность той же церкви понять и освятить демократическія стремленія нашего времени, какъ прямые послѣдствія ученія Христа, съ радостью пойти навстрѣчу наукѣ и ученымъ, благодаря которымъ духъ человѣка входитъ въ обладаніе истиной, дѣлающей его свободнымъ—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ серьезныхъ послѣдствій дуализма, о которомъ мы говорили выше. Мы, конечно, сдѣлали прогрессъ въ сравненіи съ прошлымъ, но всетаки мы склонны еще отождествлять языческіе и средне вѣковые мотивы и принципы поведенія съ этикою самого І. Христа.

Но современное образованное общество, подѣ влияніемъ философіи, основанной на біологіи и служащей оправданіемъ эгоистическихъ, безжалостныхъ и властолюбивыхъ инстинктовъ невозрожденнаго человѣка, ударило въ другую крайность. Нашей современной цивилизаціи грозитъ этический матеріализмъ, философія жизни котораго не знаетъ никакихъ предѣловъ захватамъ и наслажденію, кромѣ недостатка изворотливости и силы у человѣка. Въ области этическихъ отношеній явилась новая антитеза между біологическимъ эгоизмомъ и христіанскимъ альтруизмомъ. Она можетъ быть сведена къ слѣдующему ряду вопросовъ. Должны ли мы признать личный и національный успѣхъ единственной гарантіей правоты нашего поведенія и вообще существуютъ ли какія нибудь всеобщія нравственныя начала поведенія? Долженъ ли каждый изъ насъ безгранично и безудержно слѣдовать своимъ грубо эгоистическимъ желаніямъ, служить своимъ непосредственнымъ интересамъ, не обращая никакого вниманія на благосостояніе другихъ? Въ чемъ сущность отношенія всякаго индивидуальнаго поступка къ общественному благосостоянію и справедливости? Но въ самой глубинѣ этой моральной антитезы скрывается еще болѣе фундаментальный вопросъ о томъ, въ чемъ заключается истинная сущность всякаго индивидуума? Духовное ли это существо, или же только физическій организмъ, одаренный чувствомъ, сознаніемъ и разумомъ, какъ вспомогательнымъ орудіемъ въ жестокой борьбѣ за грубо физическое существованіе?

Въ существѣ дѣла основныя проблемы этики и религіи въ концѣ концовъ разрѣшаются въ вопросы о дѣйствительной природѣ и судьбѣ всякаго индивидуума. Наши нравственныя принципы въ своемъ конечномъ основаніи должны опираться на наши взгляды, на отношенія нашего я къ космосу, или естественному порядку вещей въ природѣ, и къ міру духовныхъ цѣнностей или идеаловъ, которые были созданы съ ходомъ цивилизаціи ученіемъ и дѣятельностію великихъ вожаковъ человѣчества въ области религіи и морали.

Если традиціонная этика христіанства переживаетъ глубокій кризисъ, то то-же самое нужно сказать и относительно самыхъ важныхъ и главныхъ духовныхъ элементовъ личной и общест-

венной жизни въ нашей цивилизаціи. Въ виду этого опаснаго кризиса, мы должны возвратиться къ до-традиціонной этикѣ христіанства, какъ чистой и несмѣшанной съ чуждыми ей элементами, именно къ этикѣ самого Основателя ученія, чтобы вновь опредѣлить вѣчныя и непреходящія достоинства христіанства, какъ нравственной и культурной силы. Моральныя идеи, получившія преобладаніе въ церкви почти съ конца перваго вѣка, и во всякомъ случаѣ со втораго вѣка, господствовавшія въ средніе вѣка, и даже теперь многими отождествляемыя съ Евангеліемъ, въ сущности представляютъ въ себя смѣсь ученія Христа съ тѣмъ восточнымъ дуализмомъ, различныя выраженія котораго мы находимъ въ ученіи Зороастра, въ Манихействѣ и Митраизмѣ. Этотъ дуализмъ черезъ посредство мистерій и позднѣйшей философіи Неоплатонизма проникъ въ греческую мысль, распространился по Римской имперіи, сказался даже въ ученіи Ап. Павла, и благодаря вниманію Блаж. Августина и его преемниковъ, перешелъ въ наслѣдство современному богословію, и даже нашелъ себѣ спекулятивное выраженіе въ ученіи Декарта о духѣ и матеріи.

Современная научная мысль была въ состояніи препобѣдить абсолютный дуализмъ духа и матеріи въ области метафизики, дуализмъ духа и плоти въ области этики, и абсолютный дуализмъ Бога и діавола въ области богословской. Но что же осталось теперь отъ прежняго господства и прерогативъ духа? Неужели послѣдній есть только результатъ и продуктъ естественныхъ силъ? Выражаясь философски—неужели нашъ духъ есть лишь функція нашего тѣлеснаго организма? Или же, говоря языкомъ богослова, неужели Богъ, высшее существо, есть лишь ни что иное, какъ физическій порядокъ природы?

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ ученіи І. Христа мы найдемъ вѣрные и непреходящіе отвѣты на всѣ эти вопросы, поскольку они касаются главнѣйшихъ проблемъ поступанія и этики. При свѣтѣ этого именно убѣжденія мы и постараемся изложить здѣсь нравственные принципы нашего Учителя въ ихъ отношеніи къ моральнымъ или духовнымъ задачамъ современной цивилизаціи, и частнѣе, нашей индивидуальной жизни. Мы уже выше говорили, что въ вопросѣ о природѣ и судьбѣ человѣческой личности, какъ въ центрѣ, перекрещиваются всѣ главнѣйшія проблемы этики, метафизики и богословія. Въ ученіи же Христа о безконечной цѣнности и послѣдней судьбѣ человѣческой личности заключается самый главный и самый важный вкладъ въ систему нашихъ теоретическихъ и практическихъ взглядовъ на вещи.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, конечно, покажется страннымъ то обстоятельство, что мы не сочли нужнымъ входить въ пространныя разсужденія касательно времени происхожденія и авторовъ тѣхъ источниковъ, откуда мы заимствовали свои данныя; что мы не представили никакой лично своей гипотезы касательно

происхожденія синоптиковъ (Евангелій Матѳея, Марка и Луки), ихъ историческаго характера и первенства. Но мы считаемъ нужнымъ заявить сразу, что всѣ эти предварительныя изысканія, по нашему разумѣнію, не существенны для достиженія поставленной нами задачи. Кромѣ того, намъ думается, что для безпристрастнаго и спокойнаго обсужденія вопроса о датахъ и историческомъ характерѣ нашихъ четырехъ евангелій, независимо отъ свидѣтельства современныхъ имъ историческихъ документовъ, намъ безусловно необходимо имѣть нѣкотораго рода систематическое представленіе о жизни и дѣятельности І. Христа. Внутренній строй и взаимныя отношенія Евангелій совершенно не выяснимы безъ этой предварительной концепціи. Конечно, многимъ новозавѣтнымъ критикамъ подобнаго сорта отношеніе къ дѣлу можетъ показаться своего рода *устероу прѳтеров*, рѣшеніемъ вопроса напередъ, бездоказательно. Поэтому мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе и защиту только что указанной нами точки зрѣнія.

Въ лицѣ Христа, какъ въ случаѣ и всякаго великаго историческаго дѣятеля, мы имѣемъ дѣло съ личностью, имѣвшей и имѣющей донинѣ непрерывное вліяніе въ исторіи. Въ послѣдней же истинными причинами оказываются великія личности. Александръ Великій, Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ Первый — всѣ эти лица дали начало политическимъ движеніямъ, результаты которыхъ можно видѣть и теперь, и даже прослѣдить ихъ обратно къ начальной причинѣ. Это справедливо и въ области знанія, въ отношеніи къ Аристотелю, Архимеду, Бэкону, Ньютону, Канту; и также и въ области искусства, въ отношеніи къ Фидію, М. Анджело, Рафаэлю, Бетховену и др. Всѣ эти личности были дѣйствительными историческими причинами; т. е. они все еще продолжаютъ оказывать вліяніе на развитіе человѣчества. Жизнь и дѣятельность необозримой массы людей были сформированы именно подъ постояннымъ и иногда едва уловимымъ давленіемъ громадной волны интеллектуальныхъ и моральныхъ вліяній, имѣвшихъ своимъ источникомъ какую-нибудь великую историческую личность, ея характеръ, мысли и дѣянія, оставившихъ глубокій слѣдъ на перемѣнахъ и развитіи исторической жизни и соціальныхъ учрежденій человѣчества. Эта волна вліяній, получившихъ свое источное начало въ таинственныхъ глубинахъ человѣческой личности, положила неизгладимый отпечатокъ на эволюцію соціальныхъ учрежденій, на жизнь политическую во всѣхъ ея видахъ и формахъ, на жизнь искусства со всѣми его видами и направленіями, на жизнь коммерческую и индустріальную, на постепенное и постоянное развитіе научныхъ представленій, и пр.

Такимъ образомъ въ исторической эволюціи человѣчества великія личности являются высшими толкователями жизни, и имъ принадлежитъ главная руководящая роль. Какую бы ступень или фазу эволюціи мы не взяли, мы всюду найдемъ присутствіе необозримой массы вліяній, направленій, получившихъ свое начало

въ творествѣ великихъ личностей, создавшихъ новыя движенія въ культурѣ, или по крайней мѣрѣ измѣнившихъ направленье старыхъ.

Что касается нашей современной культуры Запада, а также духа и работы великаго историческаго учрежденія—церкви, то въ духовной жизни участниковъ той и другой преимущественной исторической силой оказывается личность І. Христа. Конечно могутъ сказать, что Его вліяніе идетъ на убыль; такъ говорили часто въ прошломъ. Но тѣмъ не менѣе невозможно отрицать того факта, что личность Христа все еще занимаетъ мѣсто могущественнаго фактора въ моральной и духовной жизни какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлаго общества.

Среди главнѣйшихъ фактовъ, подтверждающихъ подлинную реальность личности Христа, какъ великой исторической силы, или центра, откуда началась новая духовная жизнь, мы упомянемъ два: 1) существованіе и духовный опытъ Его послѣдователей въ настоящее время, дѣйствующихъ подъ Его духовнымъ водительствомъ, и стремящихся воплотить Его духъ въ своей жизни; 2) и непрерывное существованіе этого опыта и преданіе о немъ въ Христіанской церкви. Конечно въ прошломъ церковь могла значительно уклониться отъ высокаго нравственнаго идеала, даннаго ей Христомъ; она могла въ погонѣ за внѣшностью забыть то, что важнѣе всего—именно религію; она могла увлечься догмой въ ущербъ нравственной сторонѣ жизни, могла забыть смиренный духъ любви, гоняясь за властію и богатствомъ; все это могло случиться и случилось. Но тѣмъ не менѣе непрерывное существованіе и развитіе церкви служатъ вѣчно пребывающимъ свидѣтельствомъ касательно реальности и непреходящей силы личности Христа и Его вліянія на ростъ культуры. Здѣсь, такимъ образомъ, въ личномъ опытѣ слѣдованія Христу и въ непрерывности Его дѣла мы имѣемъ дѣйствительныя доказательства вліянія І. Христа, какъ безмѣрной исторической силы.

Теперь, когда мы обращаемся къ первоисточникамъ, чтобы собрать подробности жизни Христа, или чтобы выяснить основныя начала Его ученія, мы не должны забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ живою личностью, съ индивидуальною духовною причиною, дѣйственною и понынѣ. Мы должны трактовать объ этой личности, во всей цѣлости ея жизни и возрѣній, съ глубокимъ благоговѣніемъ и чувствомъ глубокой преданности. Кто не въ состояніи сдѣлать сочувственной оцѣнки многосторонней и богатой содержаніемъ жизни какого-нибудь великаго дѣятеля, господствующаго надъ умами общества въ настоящее время, тотъ едва-ли будетъ въ состояніи возсоздать надлежащимъ образомъ жизнь какой-нибудь великой исторической личности. Историкъ, какъ личность, долженъ быть и самъ крупнымъ человѣкомъ. Слабая сторона послѣдователей такъ называемаго „высшаго критицизма“ заключается именно въ недостаткѣ у нихъ надлежащаго полнаго и историческаго пониманія значенія личности.

Что касается нашего специального предмета изслѣдованія, то здѣсь вовсе не является вопросомъ первостепенной важности точно знать, написано ли было Евангеліе Марка раньше 70 г. или же позднѣе; и явились ли Евангелія Маттея и Луки до 80 г. или же послѣ. При чтеніи этихъ первоисточниковъ для жизни Христа самая главная суть дѣла заключается въ томъ, получается ли у насъ, при чтеніи ихъ, впечатлѣніе могучей духовной личности, и выносимъ ли мы изъ нихъ связную и широко-объемлющую систему духовно моральныхъ отношеній къ жизни. Мы уже выше сказали, что въ существованіи послѣдователей Христа и теперь, и въ непрерывномъ существованіи церкви, какъ одного изъ факторовъ въ общественной жизни, мы имѣемъ живыхъ свидѣтелей непрестающаго вліянія Личности Христа. Послѣдняя была могущественной исторической причиной, а потому въ высшей степени реальна. Если бы, для достиженія нашей цѣли, мы могли найти въ нашихъ первоисточникахъ хотя бы просто сухое очертаніе, или даже одни намеки на какую нибудь систему принциповъ для поведенія, представляющую изъ себя неразрывно связанное и органически цѣлое, то и тогда эти историческіе документы нужно было бы считать вполне заслуживающими довѣрія источниками для пріобрѣтенія потребныхъ свѣдѣній касательно жизни и ученія этой величайшей исторической Личности, которой мы теперь заняты, какъ великимъ факторомъ, движущимъ впередъ моральное развитіе человѣчества. „Правильный фокусъ для наблюденія основныхъ чертъ Личности Христа былъ данъ не фактомъ Его смерти, ни даже фактомъ Его вознесенія; онъ заключался въ послѣдующей дисциплинѣ памяти и повиновенія среди Его послѣдователей. Все болѣе и болѣе вырославшее удаленіе отъ объекта наблюденій постепенно направлялось къ тому, чтобы нѣсколько исправить болѣе раннія ошибки въ сужденіи о Личности Христа, возникшія путемъ преувеличеній или же недостаточно высокой оцѣнки Его Личности. Самое теченіе времени, удаляя нѣкоторыя неясности, содѣйствовало постепенному возвышенію и углубленію способности христіанскаго общества къ точному и надлежащему пониманію Христа и Его дѣла. Отсюда объясняются и характеръ и время появленія нашихъ евангелій. Какъ полный и глубокій смыслъ основныхъ положеній и выводовъ ученія Христа не могъ быть постигнутъ первыми Его учениками до тѣхъ поръ, пока Онъ не ушелъ отъ нихъ, не оставилъ ихъ однихъ, такъ въ сущности оказалось вполне невозможнымъ для нихъ, даже на основаніи ихъ послѣдующаго опыта размышленія и воспоминанія о прошломъ—выполнить трудную задачу созданія окончательнаго и точнаго повѣствованія о жизни и ученіи ихъ Наставника. Для этой задачи они могли дать лишь матеріалы,—и въ этомъ отношеніи ученики стояли не выше своего Учителя. Послѣдній же, подобно Сократу и Эпиктету, не оставилъ никакихъ сочиненій. Онъ написалъ однажды, и то нѣсколько словъ и на землѣ. Его подлинныя писанія нужно искать въ характерѣ и

опытъ Его послѣдователей (2 Коринѣ. III, 3). То же самое было и съ Его первыми учениками. Дѣло созданія евангелій было предоставлено другимъ, а не имъ, и оно могло быть совершенно, и въ дѣйствительности было сдѣлано ихъ эпигонами. Даже тѣ среди послѣдователей Его, которые получали преданіе о Христѣ исторіи, и знали Его *κατὰ σάρκα* (по плоти), по даннымъ отъ Его личныхъ учениковъ, впоследствии нашли, что Его жизнь получила болѣе глубокий смыслъ для нихъ (Іоанна XII, 16; XIV, 26; XVI, 13).

Но нѣтъ нужды думать, что точка зрѣнія второго христіанскаго поколѣнія во всемъ была ниже воззрѣнія первыхъ учениковъ; совершенно напротивъ, она заключала въ себѣ нѣкоторыя весьма важныя выгоды. Строго говоря наши Евангелія не представляютъ изъ себя современной записи событій. Даже самое раннѣйшее изъ нихъ предполагаетъ нѣкоторый промежутокъ времени между событіями и ихъ записью, хотя этотъ промежутокъ и могъ быть заполненъ непрерывнымъ преданіемъ и свидѣтельствомъ очевидцевъ. Эта удаленность отъ описываемыхъ событій не только не есть недостатокъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть даже выгода. Анализъ того или иного событія всегда долженъ оставаться неполнымъ до тѣхъ поръ, пока данное событіе не достигло извѣстной ступени развитія. Ранѣе этого анализъ едва ли даже возможенъ. Извѣстный промежутокъ времени безусловно необходимъ для дѣйствительнаго пониманія того или иного факта исторіи, потому что только послѣ нѣкотораго интервала въ опытѣ и размысленіи о происшедшемъ можетъ выдвинуться впередъ дѣйствительное и безспорное значеніе, смыслъ и вліяніе того или иного факта исторіи. Правильное толкованіе событія вовсе не обуславливается точкою зрѣнія современниковъ на него. Толкованіе требуетъ фактовъ—это правда; но оно смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія исторической перспективы. Въ сущности, если бы наши Евангелія были написаны немедленно послѣ самыхъ событій, то и тогда онѣ не давали бы намъ такъ много, какъ онѣ даютъ теперь, хотя онѣ и явились между 65—105 годами—перваго столѣтія. Составленныя уже послѣ того, какъ по крайней мѣрѣ одно поколѣніе послѣдователей Христа сошло со сцены, и написанныя въ атмосферѣ, богатой религіознымъ воодушевленіемъ, мыслию и подвигами апостольства, эти евангелія даютъ намъ болѣе широкое и глубокое описаніе предмета ихъ содержанія, чѣмъ могло бы дать намъ какое бы то ни было другое сочиненіе, написанное на самой зарѣ исторіи христіанства. Въ теченіе земной жизни Христа, или даже непосредственно послѣ Его смерти, едва ли могъ бы быть понятъ во всей полнотѣ и глубинѣ содержанія и отношеній самый существеннѣйшій принципъ Его жизни. Ап. Павелъ гораздо глубже понималъ тайну Личности Христа, чѣмъ кто бы то ни былъ среди Его учениковъ, ходившихъ съ Нимъ по всякъ Галилеи, и внимавшихъ лично Его словамъ и ученію по разнымъ синагогамъ. Писатели Еван-

гелій не были необходимо поставлены въ невыгодное положеніе въ отношеніи къ своей задачѣ и миссіи тѣмъ фактомъ, что ихъ точка зрѣнія на предметъ была результатомъ не физическаго созерцанія его, а духовнаго проникновенія въ него, результатомъ не простаго воспоминанія, а любовнаго изученія и пониманія предмета“ ¹⁾. „Живое не такъ то легко разстается съ своими тайнами, какъ мертвое; нужно чтобы по крайней мѣрѣ сошло со сцены одно поколѣніе, чтобы мы могли быть увѣренными въ точномъ и вѣрномъ пониманіи событій“, „Raison d'être нашихъ евангелій заключался какъ въ той авторитетности и обязательности, которыми пользовались слова Христа съ самаго начала среди первохристіанскаго общества, такъ и въ вызванной обстоятельствами мѣста и времени необходимости имѣть ихъ въ доступной и достаточно однообразной формѣ въ качествѣ руководства и идеала въ личномъ поведеніи, въ миссіонерской дѣятельности и въ религіозномъ назиданіи вообще. Въ сущности наши Евангелія есть ничто иное, какъ первый христіанскій символъ вѣры, наивно выраженный въ формѣ исторіи“ ²⁾.

Мы очень охотно цитуемъ эти выдержки, потому что, по нашему мнѣнію, онѣ удивительно вѣрно и точно устанавливаютъ правильную точку зрѣнія на проблемы Новозавѣтной критики, и вполне гармонируютъ съ краткой, очерченной нами выше и вполне убѣдительною, концепціей касательно исторической цѣлостности личности Христа Учителя, именно такъ, какъ она представлена и описана намъ въ четырехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

По нашему мнѣнію, совершенно неправильно поступаютъ тѣ, кто выдвигаютъ впередъ заранѣе и тенденціозно принятую мѣрку при сужденіи о подлинности тѣхъ или иныхъ изреченій Христа, какъ, напр., въ вопросѣ о томъ, могъ ли Онъ называть Себя Сыномъ Божиимъ или Сыномъ Человѣческимъ въ какомъ-нибудь исключительномъ смыслѣ. Наша первая задача заключается въ томъ, чтобы изъ нашихъ документовъ, взятыхъ въ ихъ исторической обстановкѣ, вынести живое впечатлѣніе отъ Его Личности и ученія, взятыхъ какъ нѣчто цѣлое, и потомъ уже приступить къ удаленію неподлинныхъ мѣстъ въ рѣчахъ Христа, и къ открытію дѣйствительнаго смысла Его подлинныхъ реченій.

Среди представителей современной ультракритической школы Новозавѣтной экзегетики замѣчается такая же сильная и даже пожалуй болѣе вредная для правильной оцѣнки личности и ученія Христа односторонность, какъ и у представителей ультраконсервативной школы экзегетики. Послѣдніе готовы были пожертвовать человѣчествомъ Христа, и сообразно съ этимъ вели экзегетическую работу на основаніи тѣхъ предположеній, что Христосъ былъ всевѣдущъ во всемъ, что каждое слово Н. Завѣта было

¹⁾ Moffatt. G. The Historical N. Testament. pp. 13--14.

²⁾ Moffatt. G. op. cit. p. 27.